

« РУССКИЙ МИР» – «ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

Алейникова Светлана

Михайловна

К.с.н., начальник отдела технологий кадровой работы НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при

Президенте, г.Минск Республики Беларусь

alejnsvetlana@yandex.ru

“ RUSSIAN WORLD – THE FORTH ROME”

Aleinikova Svetlana Michailovna,

candidate of science, SRR theory and practice of

тическое мифотворчество state management

Academy Management, Minsk, Republic Belarus

Аннотация:

«Русский мир» – амбициозный цивилизационный проект Русской православной церкви, призванный дать ответ многим глобализационным вызовам: утраты социокультурной идентичности, размывания ценностных оснований, размежевания некогда общего геополитического пространства. В то же время приведенные в статье результаты контент-анализа и данные ассоциативного эксперимента свидетельствует об отсутствии в настоящее время в обществе осмысленного представления как о самой идее, так и о перспективах ее реализации.

Ключевые слова: государственная идеология, национальная идея, полиство, Русская православная церковь.

Annotation

«Russian world» – civilizational project of the Russian Orthodox Church, called to give an answer to many global challenges. At the same time, see the results of the content analysis and the data of the associative experiment indicates the absence at the present time in the company of a meaningful presentation as about the idea and about the prospects of its implementation.

Key words: ideology, national idea, a political myth, the Russian Orthodox Church.

«Русский мир»: мечты, идеалы, конструкции

Первое программное оформление идеи «Русского мира» прозвучало из уст Патриарха Кирилла на открытии III Ассамблеи Русского мира в ноябре 2009 г. На протяжении последующих пяти лет патриаршее видение идеи «Русского мира» развивалось, уточнялось, дополнялось новыми чертами и противоречиями. В этой связи представляет интерес контент-анализ выступлений главы РПЦ – Патриарха Кирилла в контексте его обращения к концепту «Русского мира». Здесь и далее все цитаты приводятся по одному источнику со ссылкой на официальный сайт РПЦ [1].

Русский мир в представлении Патриарха Кирилла – в первую очередь цивилизационное понятие: «особая цивилизация», «цивилизационное пространство», единство и общность которого определяется Предстоятелем РПЦ по факту крещения Руси в 988 г.: «Русский мир – единое духовное пространство восточнославянских стран-наследниц исторической Руси». Помимо указанных определений, Патриарх вводит такое нетривиальное определение Русского мира как «русского способа жительства», поддерживаемого «общими государственными границами». Попытка уточнить это достаточно «размытое» определение уводит к еще большей абстракции: «способ общественного жительства, который во всем мире ассоциируется с русской традицией». Содержание, особенности и отличия «русского способа жительства» от иных способов жительства Патриархом не раскрываются.

В приведенном контексте в качестве основной характеристики представляется обоснованным выделить не столько «понятие» и «способ», сколько «пространство» Русского мира. Пространственное измерение требует определения уже не только духовных и цивилизационных, но и формальных границ, создающих, однако, «лишние препятствия между народами Русского мира», одним своим наличием греша «против исторической правды...». Поэтому на сегодняшний день территория Русского мира гораздо шире территории Российской Федерации – ядром его выступают государства, «образовавшиеся на пространстве исторической Руси»: Россия, Украина и Беларусь.

В более-менее очерченные границы Патриархом также включены такие страны как Молдавия и Казахстан, а также «другие страны исторического пространства Руси». В одном из последних выступлений 21 января 2015 г.

Патриарх вносит существенное уточнение уже о «восточнославянских странах-наследницах исторической Руси», которое, однако, также требует дополнительных пояснений вкладываемых в данное определение смыслов. В идеале Русский мир может стать подобием византийской цивилизации – именно это, по мнению Патриарха, и есть «высший, всечеловеческий уровень общественного бытия».

Кроме перечисленных стран, важной составляющей Русского мира является вся зарубежная русскоязычная диаспора и все православные общины, охваченные деятельностью как РПЦ, так и Русской Зарубежной Церкви (РПЦЗ). В перспективе же к стране Русского мира может быть отнесена любая страна, в которой русский язык используется как язык межнационального общения, развивается русская культура и хранятся общеисторическая память и единые ценности.

Неуклонно расширяющиеся в риторике главы РПЦ географические границы Русского мира потребовали более четкого определения его оснований, которые и были сформулированы Патриархом в 2009 г. в программном выступлении на открытии III Ассамблеи Русского мира. Таковыми, по его мнению, являются: 1) православная вера, 2) русская культура и язык, 3) общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие.

Очередность предложенных оснований имеет для РПЦ принципиальное значение. Признавая вклад других традиционных конфессий и даже светских течений мысли в созидание русской цивилизации, базовой ее опорой предсказуемо становится «вселенский характер Православия, лежащего в основе мировоззрения большинства из тех людей, которые осознают себя частью Русского мира». Именно религиозное измерение Русского мира Патриарх последовательно отстаивает и в последующих выступлениях: «в центре цивилизации, к которой мы принадлежим, – евангельские ценности».

В то же время, если с первоисточником Русского мира позиция РПЦ последовательна и логична, то с содержанием и значимостью двух других оснований можно отметить некоторые сложности и противоречия.

Выступая в представлении Патриарха вторичными по отношению к православию и РПЦ, русская культура и язык занимают промежуточную вторую позицию в перечне трех оснований Русского мира. Русская культура как «стыковочный узел для соединения с другими национальными традициями» и

«самобытные способы и форма выражения ценностей», а также русский язык как «коммуникационный элемент», возникший в результате «совместных усилий людей разных национальностей», являются «общим достоянием всех народов Русского мира». Значимость русского языка как «средства коммуникации» является небесспорной, поскольку «говорить на русском языке или понимать русский язык – это не единственное условие принадлежности к Русскому миру».

Третьим основанием Русского мира становится «общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие», суть которого может быть сведена к необходимости почитания общих памятников, дат и имен, связанных с важнейшими событиями отечественной истории. Об их конкретном перечне и смысловом наполнении можно и нужно договариваться в целях «достижения согласия в интерпретации тех или иных событий прошлого, оценки исторических фигур».

«Единство исторического сознания» призвано учитывать уроки истории, так как, помимо выработки компромиссных оценок событий (моделей) прошлого, предполагает «преодоление имущественной пропасти», уже приводившей страну к революциям и социальным потрясениям. Однако едва ли не главной угрозой Русского мира, по мнению предстоятеля РПЦ, выступают «антирелигиозные гонения, преследования людей за мирно выражаемые убеждения, подавления гражданских свобод», «агрессивный секуляризм», «воинствующий антиклерикализм» и т.п. явления. Учитывая, что главным основанием Русского мира в модели РПЦ выступает православие, подобная позиция является вполне последовательной и логичной. В целом же постоянные отсылки к ужасам безбожного прошлого, присутствующие практически во всех публичных выступлениях Патриарха, явно свидетельствуют об отождествлении Патриархом границ РПЦ и пространства Русского мира.

В 2010 г. «три источника, три составные части» Русского мира дополняются еще одним, четвертым пунктом – «единой системой ценностей», впервые включившей в себя их конкретный перечень. К данной системе Предстоятель РПЦ относит достаточно разноплановые: «религиозную веру и межрелигиозный мир, свободу и нравственное совершенствование личности, самопожертвование ради других, крепкую семью, уважение старших, соборный совет и действие,

творчество, трудолюбие, справедливость, любовь к Отечеству, заботу о сотворенном мире».

В целом, за исключением пункта о православной вере как базовой основы Русского мира, приходится констатировать отсутствие внятных смысловых границ данного концепта даже у главы РПЦ. Так, в трех абзацах одного выступления на тему Русского мира 6 сентября 2014 г. Патриархом четырнадцать раз употребляется обезличенное местоимение «это», а терминологический разброс в контексте рассматриваемой темы насчитывает около полутора десятков вариантов, каждый из которых несет самостоятельную смысловую нагрузку («цивилизационная модель», «цивилизационная основа», «цивилизационная традиция», «цивилизационное пространство», «цивилизационное понятие», «цивилизационный центр» и т.п.).

Отдавая явный приоритет цивилизационному измерению Русского мира, глава РПЦ несколько раз допускает оговорки, свидетельствующие и о его желаемом политическом воплощении. В частности, в тексте одного и того же документа Патриарх Кирилл заявляет, что, с одной стороны, Русский мир «не является инструментом политического влияния Российской Федерации». С другой стороны, по его мнению, Русский мир «может стать сильным субъектом глобальной международной политики» и «значимым игроком на мировой арене» – ведь цивилизационная традиция неизбежно «существует в условиях различной политической и общественной самоорганизации».

Цель нового, именно политического измерения Русского мира осознанна: «В глобальном мире невозможно игнорировать международные структуры, а потому Русский мир должен активно присутствовать на международных площадках». В этой связи в РПЦ, в отличие от представлений о самом концепте, присутствует четкое представление как о наиболее значимых акторах политических процессов, так и о приоритетных формах межгосударственных образований, ключевая роль в которых принадлежит уже не народам, а «элитам и межэлитным отношениям», а также крупным международным политическим игрокам: «организациям системы ООН, ОБСЕ, Советом Европы, Европейским союзом». Оптимальной же формой Русского мира в условиях глобализации и децентрализации «может оказаться

теснейшее интеграционное сотрудничество равноправных суверенных государств» – например, в форме «наднационального проекта».

Идеальная конструкция Русского мира как некоего нового, «Четвертого Рима» была бы неполной без сакрализирующего начала, в роли которого, помимо вселенского характера православия, уже традиционно выступает борьба с «врагом», угрожающим провозглашенным целям и ценностям. Однако, если перечень оснований и ценностей Русского мира условен и требует дополнительных уточнений, но все же присутствует в программных заявлениях Патриарха, то образ «врага» так же традиционно абстрактен [2].

Врагом выступают «противники, которые пытаются в России видеть врага», «эти люди из иного лагеря», «властные политические и экономические центры», «те, кто...». Причем неназванные «те, кто...», тем не менее, считают, что славяне «не имеют права на свой духовный и культурный мир», что является, по мнению Патриарха, «абсолютно неправомерным подходом». Максимально обезличенный образ врага приобретает некоторые конкретные черты лишь в единственном случае: «наши противники, в том числе националистические настроенные силы на Украине», хотя именно Киеву еще в 2010 г. Патриарх отводил роль «не меньшую, чем роль Москвы» с перспективой стать «одним из важнейших политических и общественных центров Русского мира».

Наличие врага предсказуемо предполагает борьбу и противостояние, тем более что не беспокоиться о Русском мире, означает «ослушаться Самого Бога». Поэтому первоочередное значение приобретает не столько способность к мирному развитию, сколько «способность защищать традиции своего народа, его религиозные и культурные ценности...». Для того, чтобы «не быть поглощенным различными властными политическими и экономическими центрами» «люди, несогласные быть переплавленными с другими...», «борются против «этой страшной перспективы раствориться в одном общем пространстве».

Гипотетическая возможность принять страдания, муки и смерть придает Русскому миру уже сакральный смысл, в очередной раз отсылая к неназванному противнику: «Одно это понятие... выводит из себя наших противников, которые пытаются в России видеть врага... И уж как достается всем, кто смеет употребить одно только словосочетание Русский мир!».

Русский мир: реалии и перспективы

Как уже было сказано, одним из главных оснований Русского мира, помимо православной веры, по мнению главы РПЦ, является «общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие... У наших народов присутствует сильное сознание непрерывности и преемственности русской государственной и общественной традиции, начиная со времени Киевской Руси и заканчивая нынешней Россией, Украиной, Белоруссией».

В данном контексте одной из задач исследования стало выявление оценок студенческой молодежи по поводу фактических места и роли православия и РПЦ в исторической памяти, национальном самосознании и менталитете белорусского народа, а также в современных политических процессах России и Беларуси. Исследование выполнялось в рамках темы НИР «Выявление ценностных ориентаций молодежи и механизмы ее масштабного привлечения к государственному строительству», утвержденной Администрацией Президента Республики Беларусь (№20140192).

Методологической базой исследования выступили анкетный опрос, а также ассоциативный эксперимент. Отбор респондентов проводился на основании их самоидентификации с одной из традиционных для Беларуси христианских конфессий (православия и католицизма). Ассоциативный эксперимент призван решить задачу построения ассоциативного ряда, соответствующего трем смысловым блокам анкеты, и выступал уточняющим анкету элементом.

Молодежь высоко оценивает суверенитет и независимость Республики Беларусь, самобытность национального менталитета, являющихся для нее безусловной ценностью и одним из сформированных стимулов потенциальной политической активности. Основу же белорусского менталитета, по мнению респондентов, составляют такие качества как терпимость (67,5%), трудолюбие (50,9%) и толерантность (49,1%). Приверженность белорусов христианским ценностям и духовность отметили лишь 5,3%.

Говоря об исторической преемственности, решающими факторами в формировании национального менталитета студенты считают исключительно новейшее время: обретение в 1991 г. Республикой Беларусь независимости, предшествующие независимости советский период и эпоху перестройки. Периоды

пребывания белорусских земель в составе Киевской Руси и Российской Империи, а также в составе Великого княжества Литовского значимыми для белорусской государственности считают 9,6%, что дает основание предположить достаточно поверхностное отношение молодежи как к генезису белорусского менталитета и государственности, так и значимости указанных факторов для современного этапа развития страны. Здесь же следует отметить, что, оценивая уровень национального самосознания, около трети респондентов обозначили его как низкий (33,3%) и средний (46,8%).

В то же время внешнеполитические ориентации конфессионально ориентированной молодежи однозначны – 76,3% главным направлением развития внешней политики Республики Беларусь считают укрепление связей с Россией. Однако, помимо общей культуры двух славянских народов, связывается это направление с экономической целесообразностью: единым торгово-экономическим пространством, перспективными рынками сбыта и зависимостью белорусской экономики от импорта российских энергоресурсов. Такие же социокультурные факторы, как общий государственный (русский) язык, общие история, христианские ценности и т.п. являются для респондентов малозначимыми, выявляя тем самым, с одной стороны, прагматизм студенческой молодежи, с другой – в некоторой степени ее традиционализм. Что касается ассоциативного ядра (частоты повторяемости ассоциаций), то Россия ассоциируется с предсказуемыми атрибутивными «Путин», «Москва», а также безэмоциональные «страна», «сосед» и «нефть». Такие ассоциации, как «друг», «поддержка», «защитник», хотя и присутствуют, но являются единичными.

Отношение к Украине характеризуется ярко выраженной двойственностью восприятия. Ведущей ассоциацией, помимо «Киева», предсказуемо стала «война» и родственные «хаос», «беспредел», «страшно», «безвластие». Вторая устойчивая ассоциация – «соседи» («друзья», «братья»). Причем, в отличие от прагматичного образа России, восприятие Украины яркое, позитивное, эмоционально-образное («патриотизм», «море», «красота», «Днепр», «подсолнухи», «солнце»).

В то же время, при всем многообразии ассоциативных рядов, насчитывающих до нескольких сотен ассоциаций в отношении России, Украины и Беларуси вместе взятых, присутствует лишь одно упоминание о православии.

Отсутствуют и какие-либо родственные ассоциации (церковь, вера, духовность, традиция и т.п.). Само же православие ассоциируется с «верой», «храмом» и «богом», а также стереотипным набором таких атрибутов «народного православия», как: «свеча», «икона», «верба», «пост», «старушки», «священники». Иисус Христос в данном ряду оказался единичной ассоциацией.

Среди социально-политических институтов, наиболее эффективных в налаживании интеграционных процессов, Церковь заняла последнее место (4,5%), так как, по мнению 55% респондентов, она призвана решать иные, неполитические задачи. Возможно, это объясняется также и тем, что в настоящее время идеологические доктрины традиционных конфессий, изначально выступая в качестве противопоставления (восточного – западному, нематериального – материальному, общего – личному и т.п.), трансформируются в инструмент формирования образа «врага» (Европы, либеральных ценностей, индивидуализма и т.д.).

В этой связи обращает на себя внимание цельность ценностного фундамента конфессионально ориентированной молодежи. Два блока ценностей (религиозных и либеральных), традиционно противопоставляемых друг другу, оцениваются респондентами в равной степени позитивно.

Ассоциативный эксперимент выявил равнозначность для молодежи как религиозных идеологических трендов (духовность, коллективизм, традиция), так и конституционных принципов развития России и Беларуси (индивидуализм, права человека, демократия). Так, индивидуализм, вопреки активно внедряемому в общественное сознание стереотипу инородности для славянского менталитета, имеет четко выраженное позитивное «ассоциативное ядро» и ассоциируется в первую очередь с «личностью» и «самобытностью». Коллективизм воспринимается через такие родственные ассоциации «команда», «единомыслие», «группа», «коллектив».

Что касается непосредственно идеи «Русского мира», то практически равные значения набрали такие его разноплановые характеристики, как: а) утопии (20,4%), б) перспективного направления внешнеполитического развития страны (19,4%), в) утраты независимости и суверенитета Республики Беларусь (19,3%). Наибольшее значение (21,3%) оказалось у варианта: «Беларусь – самобытное государство со

своей уникальной культурой, языком, традициями и ценностями, ей не нужно ни с кем объединяться». Оценка «Русского мира» как «возвращения к историческим и культурным истокам, общему прошлому славянских народов» заняла последнее место. В целом достаточно равномерное распределение ответов свидетельствует об отсутствии в настоящее время в обществе осмысленного представления как о самой идее, так и о возможных перспективах ее реализации.

Подтверждением «размытости» идеи «Русского мира» выступают и данные ассоциативного эксперимента, характеризующиеся множественными разрозненными ассоциациями и отсутствием «смыслового ядра». Довольно обширный ассоциативный ряд можно охарактеризовать как абстрактный и в целом позитивный («единство», «дружба», «сила», «зелень», «правильный», «союз»), хотя в нем присутствуют и такие негативные ассоциации, как «сказка», «отсталость», «разобщение». Иными словами, следует констатировать, что представления об идее «Русского мира» в сознании молодежи пока либо вообще не сформированы, либо слабо структурированы, т.е. не являются значимыми в ее ценностно-мотивационной системе.

Список цитированных источников:

1. Официальный сайт Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru>. Дата доступа: 20.01.2014.
2. Алейникова, С.М. Русская православная церковь и российская идеология: поиск «врага», конструирование «друга» / С.М. Алейникова // Иппокрена. – 2014. – №1(24). – С. 23–26.